

Роль правовых презумпций в контексте реформирования института имущественной ответственности при банкротстве

Аннотация. Повышение роли правовых презумпций в контексте реформирования института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве стало предметом дискуссий в профессиональном сообществе. Автором проведен комплексный анализ указанного правового средства с учетом его специфики как элемента в системе регулирования отношений несостоятельности. В статье раскрыты особенности различных презумптивных составов, их недостатки и преимущества, процессуальные эффекты и характер их влияния на баланс интересов заинтересованных лиц. Сделан вывод о востребованности презумптивного инструментария как предпосылки для повышения эффективности института субсидиарной ответственности в целом.

Ключевые слова: презумпции, бремя доказывания, банкротство, субсидиарная ответственность, контролирующие лица, фактический контроль.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.108.11.052-063

Презумпция как логическая и правовая категория имеет многовековую историю. Выдающиеся отечественные цивилисты дореволюционного периода определяли презумпцию как «признание факта существующим по вероятности, что он существует» (Д. И. Мейер¹) и как «законные предположения — обязательные по закону заключения о доказанности известных фактов при наличии других фактов» (Е. В. Васильковский²). Согласно

общепризнанному на сегодняшний день (с теми или иными вариациями) определению, под презумпцией понимают правовое средство, основанное на предположении о существовании факта, которое считается истинным до тех пор, пока ложность такого предположения не будет доказана³. А. В. Федотовым предложено оригинальное определение презумпции с использованием сциентистской терминологии: «Утверждение о вероятном или конвенционально-до-

¹ Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. С. 98.

² Цит. по: Заржицкая Л. С. Анализ понятия и содержания правовой презумпции // Мировой судья. 2016. № 11. С. 22.

³ См.: Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М.: ИЗИСП, 2013; Краснов Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014.

© Абрамов С. И., 2019

* Абрамов Сергей Игоревич, аспирант кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, главный юрисконсульт юридического департамента государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» 119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1 sergey1012abramov@gmail.com

стоверном существовании факта, связанного причинно-следственной либо тетической связью с другим достоверно установленным фактом»⁴. При этом О. А. Егорова обращает внимание на вариативность применения данного понятия, которое может в зависимости от контекста означать «...как сам процесс, действие (признание факта) по признанию предположения, так и как юридическое средство, при помощи которого оно признается (правовая техника, правовой прием); как само предположение (в том числе и в качестве юридического факта), так и основания для него; как выражение ее сущности»⁵.

Известна классификация презумпций по критерию опровержимости. Однако сам термин «презумпция» применяется именно в отношении суждений, подлежащих верификации либо фальсификации. Принципиально непроверяемые утверждения (например, аксиомы или фикции) в качестве презумпций, как правило, не рассматриваются⁶. Согласно иной классификации различаются материально-правовые и процессуальные презумпции. Представляется, что указанная дихотомия имеет значение скорее частного методологического подхода (структурный анализ), чем универсального критерия для классификации презумпций на типы, поскольку их демаркация по данному признаку не всегда возможна и целесообразна. Более того, многие из известных презумпций не могут быть искусственно ограничены рамками лишь одной из сфер без ущерба для методологических требований к целостности объекта исследования. Полагаем, что следует согласиться с теми учеными,

которые усматривают как минимум тесную взаимосвязь между материальными и процессуальными презумпциями либо воспринимают их как различные стороны одного и того же явления. Так, С. С. Алексеев обращал внимание на способность презумпций быть процессуальным отражением их материально-правового действия⁷. По мнению Е. Ю. Веденеева, в одной форме могут быть сформулированы фактически две презумпции, при этом материально-правовая является предпосылкой для существования процессуальной⁸. О. В. Баулин в связи с этим обоснованно указывает, что субъекты материальных правоотношений осуществляют доказательственную деятельность исключительно в рамках юрисдикционной процедуры⁹. В свою очередь, результатом процесса является установление юридических фактов, значимых для материально-правовых отношений. Таким образом, характер большинства презумпций можно описать как комплексный: регулированию собственно материальных отношений имманентна и их процессуальная проекция, выраженная, как правило, в динамике распределения бремени доказывания.

В полной мере изложенное относится и к некоторым специальным правовым презумпциям, присущим институту банкротства. Особо значимую роль презумпции играют в рамках субститута имущественной ответственности контролирующего должника лиц. В рамках осуществленной в 2017 г. реформы их состав был расширен, а механизм применения уточнен. Глава III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁰ (далее —

⁴ Федотов А. В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // Журнал российского права. 2001. № 4.

⁵ Егорова О. А. Презумпции и фикции в жилищном законодательстве РФ // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 9.

⁶ См.: Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений.

⁷ См.: Алексеев С. С. О составе гражданского правонарушения // Правоведение. 1958. № 1. URL: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1128335> (дата обращения: 28.01.2019).

⁸ Веденеев Е. Ю. Роль презумпций в гражданском праве, арбитражном и гражданском судопроизводстве // Государство и право. 1998. № 2. С. 44.

⁹ Курс доказательственного права : Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. М. : Статут, 2014. С. 175 (автор соответствующей главы — О. В. Баулин).

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

Закон о банкротстве), введенная Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ, содержит две группы презумпций, предметом которых являются соответственно статус лица как субъекта ответственности и наличие причинно-следственной связи между действиями такого лица и невозможностью полного погашения требований кредиторов.

По некоторым сведениям, ведущая роль в разработке концепции реформы 2017 г. принадлежала Федеральной налоговой службе. Заместитель руководителя ФНС России С. А. Аракелов так описывает мотивы и цели реформаторов: «Основная проблема банкротства — его популярность. Оно остается способом уклонения от уплаты долгов... Субсидиарная ответственность сможет решить эту проблему и заставить отвечать реальных бенефициаров банкротства... [вследствие чего] может стать ключевым мотиватором к финансовому оздоровлению»¹¹. Кроме того, телеологическое значение новелл иллюстрируют и более ранние высказывания С. А. Аракелова: «...В рамках банкротства мы получали только 3—5 % от суммы требований в реестре кредиторов. У других системных кредиторов этот процент существенно больше. И мы главной задачей поставили сделать каждую процедуру банкротства экономически эффективной для бюджета»¹². При этом Федеральная налоговая служба является не только инициатором реформы, но и в некотором смысле ее бенефициаром. Так, Е. Д. Суворов обращает внимание на предусмотренную в пп. 3 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве презумпцию доведения до банкротства, гипотеза которой основана на доле свыше 50 % требований кредиторов, возникших

в результате привлечения к публично-правовой ответственности (в том числе за налоговые правонарушения). По мнению автора, такая формулировка основания презумпции указывает на явный «...уклон в направлении привлечения и обеспечения взыскания»¹³. С. С. Покровский также усматривает публичные начала в ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов¹⁴. В этой связи представляет интерес письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@, содержащее разъяснения в отношении применения нововведений на практике. Представители научного сообщества выражают обоснованные опасения в связи с фактическим приданием регулятивных функций ведомственным документам, с помощью которых «налоговые органы пытаются навязать свое толкование судам»¹⁵. Специфично и содержание разъяснений: так, согласно п. 2.2 указанного письма, основаниями для признания лица контролирующим должника могут служить любые неформальные личные отношения, в том числе установленные оперативно-розыскными мероприятиями. Очевидно, что именно ФНС России располагает эксклюзивными возможностями по использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств, недоступными иным заявителям — частным лицам. При этом сами представители уполномоченных органов отмечают эффективность применения публично-правовых средств: «Пока действительно доказывание роли истинных бенефициаров — очень трудоемкая процедура. Как показывает практика, чаще всего только наши фискальные полномочия и материалы правоохранительных

¹¹ Повышается направленность банкротства на урегулирование отношений с кредиторами // Коммерсантъ от 25.07.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3366894>.

¹² Сергей Аракелов: Имущество банкротов продается на торгах за 19—21 % от рыночной стоимости // Коммерсантъ Деньги. № 35. 05.09.2016. С. 14.

¹³ Суворов Е. Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов // Закон. 2018. № 7. С. 55.

¹⁴ Покровский С. С. Эволюция и проблемы правового регулирования гражданской ответственности за банкротство // Закон. 2018. № 7. С. 45.

¹⁵ Шиткина И. С. Основные направления развития корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 2. С. 16.

органов позволяют это сделать»¹⁶. В связи с этим И. С. Шиткина справедливо называет опасной тенденцией то, что многие факты гражданских дел доказываются в уголовных делах и в дальнейшем принимаются как имеющие преюдициальное значение¹⁷. Более того, имеются основания полагать, что даже сами по себе сведения о наличии уголовного дела способны оказывать непропорциональное влияние на внутреннее убеждение судьи в деле о банкротстве.

Между тем обеспокоенность многих представителей научного сообщества в связи с реформированием института имущественной ответственности при банкротстве вызвана не столько обозначенной проблематикой, сколько иными вопросами. В частности, предметом критики стала сама по себе повышенная роль, отводимая специальным презумпциям. Следует отметить, что недоверие к презумпциям было свойственно еще дореволюционным правоведам. Так, В. Д. Спасович категорически утверждал: «Юридические презумпции суть вообще зло, которого следует всячески избегать. Законоведение опирается на костыли, называемые предположениями, только тогда, когда оно не в состоянии разрешить вопрос прямо и естественно, а должно разрубить его наугад и искусственно». Востребованность презумпций ставил под сомнение и С. А. Муромцев, по мнению которого «необходимость их существования есть только кажущаяся, и логический прием, составляющий их содержание, не естественный, а искусственный...»¹⁸. В советской доктрине роль презумпций в правовом регулировании также подвергалась критике: так, П. И. Стучка квалифицировал их в качестве пережитка теории формальных доказательств¹⁹. В результате, по мнению некоторых современных ученых,

«работающей» комплексной теории правовых презумпций не создано вплоть до настоящего времени²⁰.

Усиление презумптивного регулирования в рамках новой главы III.2 Закона о банкротстве также получило неоднозначные, в том числе и негативные, оценки со стороны правоведов. Например, Е. Д. Суворов полагает, что оказался нарушен баланс интересов, лежащий в основе института субсидиарной ответственности: «Теперь перевес на стороне объективного вменения <...> в результате чрезмерного использования широкой системы презумпций»²¹. Автор считает необходимой конституционно-правовую оценку «нового презумптивного увлечения законодателя и правоприменителя», ссылаясь на неопределенность в вопросе о том, «насколько статистически оправданными должны быть указанные презумпции с учетом серьезности последствий их неопровержения для тех, кому они противопоставляются»²². Видимо, с учетом повышенных, по сравнению с иными категориями гражданских споров, средних значений размера субсидиарной ответственности Е. Д. Суворов проводит параллель с уголовно-правовой сферой, где действует презумпция невиновности. Однако представляется, что критерием сопоставления в данном случае должна являться не тяжесть ответственности, а специфика правового положения сторон. Публично-правовой инструментарий, доступный стороне обвинения в уголовном процессе, предоставляет ей широкие возможности для собирания доказательств (например, результатов оперативно-розыскной деятельности). Иначе говоря, презумпция невиновности уравновешена наличием у другой стороны средств для ее опровержения. Представляется, что выбор между данными альтер-

¹⁶ Сергей Аракелов: Имущество банкротов продается на торгах за 19—21 % от рыночной стоимости. С. 14.

¹⁷ Шиткина И. С. Основные направления развития корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики. С. 24.

¹⁸ Цит. по: Заржицкая Л. С. Указ. соч.

¹⁹ См.: Заржицкая Л. С. Указ. соч.

²⁰ Булаевский Б. А. Понимание презумпций как основа их эффективного применения (в поиске гражданско-правовых особенностей) // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 48.

²¹ Суворов Е. Д. Указ. соч. С. 52.

²² Суворов Е. Д. Указ. соч.

нативами очевиден и для самих потенциальных субъектов ответственности — выступать ответчиком в гражданском процессе (даже при условии необходимости опровержения презумпции вины), как правило, будет предпочтительнее уголовного преследования. С другой стороны, востребованность института гражданско-правовой ответственности контролирующих должника лиц иллюстрирует следующее высказывание Р. Т. Мифтахутдинова: «Пока что в наших реалиях общий уровень культуры ведения бизнеса, построения экономических связей достаточно невысок, и если сразу начать бороться со всеми злоупотреблениями... с помощью уголовно-правовой юрисдикции, то бизнесом уже некому будет заниматься»²³.

Кроме того, презумпция как правовое явление вовсе не обязательно должна быть основана исключительно на статистических данных. Так, Б. А. Булаевский в своей монографии, посвященной презумпциям, обоснованно замечает: «...Введение в закон предположений объясняется так называемыми политическими соображениями, основой которых служит существующий приоритет одних интересов над другими. И в этом, как представляется, кроется очевидная регулирующая роль таких правовых конструкций»²⁴. Он же обращает внимание на то, что любая презумпция основывается «на предположении о возможном (в том числе и маловероятном)»²⁵. Схожую позицию занимают В. И. Каминская и Ю. А. Сериков, усматривая природу презумпций «не в области вероятности, а в области функциональности»²⁶. В свою очередь, Н. С. Каранина указывает на то, что «...законодателя презумпции интересуют не сами по себе, они представляют правовой ме-

ханизм, с помощью которого можно наиболее эффективно урегулировать общественные отношения и защитить значимые социальные интересы... Презумпции несут в себе четкую целевую направленность»²⁷. Сказанное означает, что с аксиологической точки зрения презумпции выступают именно инструментом, предназначенным для воздействия на общественные отношения определенным образом, а не способом объективного описания явлений реального мира. Действительно, результат применения диспозиции презумптивной конструкции — юридический факт, которому иррелевантна модальность истинности или ложности. Лишь с позиции необходимости достижения объективной истины в процессе (в основном утратившей актуальность) можно признать вынужденный характер использования презумпций, что, однако, ни в коем случае не исключает их ценности как правового регулятора.

Применительно к институту имущественной ответственности при банкротстве использование презумптивного инструментария, на наш взгляд, свидетельствует о намерении законодателя достичь баланса путем компенсации дефицита доказательств у стороны, чей интерес подлежит защите. И. В. Горбашев, рассуждая о роли презумпций, прямо называет среди возможных причин «предоставления законодателем предпочтения определенной стороне <...> объективную сложность доказывания по определенной категории дел, обусловленной в том числе ограниченным доступом стороны к релевантным доказательствам»²⁸. Действительно, для указанной категории споров характерна, как правило, крайняя скудость доказательственных возможностей, доступных заявителю, поскольку

²³ Мифтахутдинов Р. Т. Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях // Закон. 2018. № 7. С. 9.

²⁴ Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. С. 39.

²⁵ Булаевский Б. А. Понимание презумпций как основа их эффективного применения (в поиске гражданско-правовых особенностей). С. 51.

²⁶ Сериков Ю. А. Презумпции в гражданском судопроизводстве. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 12.

²⁷ Каранина Н. С. Проблематика правовой презумпции // Право: теория и практика. 2005. № 14. С. 28—32.

²⁸ Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 172.

«...те, кто влияет на формирование воли должника при причинении вреда интересам кредиторов, к сожалению, не сообщают об этом кредиторам, а, напротив, пытаются этот факт всячески скрыть»²⁹. В пользу же привлекаемого лица действует сама специфика предмета доказывания, в том числе: его объем (шире, чем по искам о взыскании убытков); высокий удельный вес в нем оценочных категорий; наличие у такого лица обусловленных самим фактом контроля возможностей по фальсификации и сокрытию сведений о деятельности должника; латентность отношений фактического контроля и т.д. При таких обстоятельствах представляется оправданным посредством презумпций стимулировать процессуальную активность ответчика как лица, обладающего доказательствами.

Наибольшую сложность, возможно, представляет доказывание наличия юридически не оформленных (фактических) отношений контроля для целей определения субъекта ответственности. И. С. Шиткина справедливо обращает внимание на то, что ответственность фактического бенефициара является исключением «...из общего правила о необходимости наличия у субъекта ответственности формально юридических оснований выступать от имени юридического лица»³⁰. Тем не менее с учетом социально-экономических реалий невозможно отрицать как наличие у контролирующего лица возможностей скрыть влияние на должника, отказавшись от его формального закрепления (которые могут быть реализованы либо путем «...создания сложной юридической структуры владения с косвенным участием посредством

использования [различных] схем»³¹, либо при помощи доверительных отношений, вообще не оставляющих материальных следов), так и высокую значимость таких отношений с точки зрения интересов иных участников делового оборота и правопорядка в целом. Придание правового значения латентным фактическим связям между лицами характерно скорее для публично-правовых отношений. При этом даже в уголовных делах для стороны обвинения (с учетом доступного ей несопоставимо более широкого спектра средств добывания доказательств) бывает сложно доказать, например, наличие организованной преступной группы или сообщества. Установление же таких фактических отношений частноправовыми средствами может быть эффективным лишь при отступлении от общего правила распределения обязанностей по доказыванию. Прямые подтверждения сказанному можно обнаружить и в судебной практике: «...Суды, по сути, сочли, что вменяемый контроль должен быть подтвержден лишь прямыми доказательствами — исходящими от бенефициара документами, в которых содержатся явные указания, адресованные должнику. Однако конечный бенефициар <...> обычно скрывает наличие возможности оказания влияния на должника. Учитывая объективную сложность получения арбитражным управляющим, кредиторами отсутствующих у них прямых доказательств дачи указаний... бремя доказывания обратного переходит на привлекаемое к ответственности лицо»³². В этом смысле представляется перспективной логика действия вновь введен-

²⁹ *Мифтахутдинов Р. Т.* Контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности при банкротстве // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 7. С. 35.

³⁰ *Шиткина И. С.* Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // *Закон.* 2018. № 7. С. 117.

³¹ *Шиткина И. С.* Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // *Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес».* 2017. № 4. С. 31.

³² Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2018 № 302-ЭС14-1472 по делу № А33-1677/2013.

Переход бремени доказывания в результате применения презумпций уже достаточно широко используется судами. См.: определение Верховного Суда РФ от 07.05.2018 № 305-ЭС17-21627 по делу № А41-34192/2015 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.11.2018 по делу № А41-38448/2016 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.07.2018 по делу № А40-49093/2010.

ной презумпции наличия контроля, критерием которой выступает получение выгоды за счет должника, поскольку в данной ситуации основание презумпции совпадает с предметом интереса контролирующего лица. Р. К. Лотфуллин верно отмечает: «В любом случае скрытый бенефициар осуществляет свою деятельность через подконтрольную ему компанию с целью увеличения или сбережения своих активов. Поэтому признаки фактического контроля могут проявляться в гражданском обороте именно через экономические отношения, которые складываются между ним и должником»³³. Эффект презумптивного инструментария в данной ситуации оправдан и с процессуальной точки зрения — как стимулирование доказательственной активности привлекаемого лица и как возможность добиться привлечения лица к ответственности даже при сокрытии им доказательств, и с материально-правовой — как общая превенция недобросовестных действий по выводу активов со стороны бенефициаров.

Вместе с тем следует признать, что дифференциация правового положения лиц, участвующих в обособленном споре по делу о банкротстве, так или иначе затрагивает предусмотренный универсальной моделью процесса баланс интересов. При таких обстоятельствах ключевое значение приобретает соотношение специальных правовых средств, в том числе презумпций, и общих процессуальных принципов. Ю. С. Жаренцова полагает, что специфическое распределение бремени доказывания является несправедливым и ведет к преимущественному положению заявителей по соответствующим спорам. По мнению автора, лицу, привлекаемому к ответственности, сложно доказать свое добросовестное поведение, учитывая рисковую природу предпринимательской деятельности как таковой³⁴. Полагаем, что с приведенным пониманием роли презумпций согласиться нельзя. Введение специальных правил до-

казывания для отдельных категорий споров само по себе не означает несправедливости либо преимущественного положения одной из сторон и не противоречит принципу состязательности. При этом интересы привлекаемого лица могут быть обеспечены в том числе путем расширения спектра средств опровержения презумпций. Так, по смыслу разъяснений, содержащихся в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 53), привлекаемое к ответственности лицо вправе опровергнуть презумпцию наличия контроля, основанную на «критерии выгоды», доказав свою добросовестность либо то, что полученная им выгода обусловлена разумными экономическими причинами. Таким образом, утверждение о наличии у лица возможности определять действия должника может быть опровергнуто не только напрямую, но и по косвенным основаниям. Иначе говоря, возможности опровержения данной презумпции выходят за рамки собственно ее диспозиции. Аналогичным образом презумпция доведения до банкротства, основанная на наличии в ЕГРЮЛ недостоверных сведений о юридическом лице, может быть опровергнута привлекаемым к ответственности лицом, если оно докажет, что выявленные недостатки не привели к существенному затруднению проведения процедур банкротства.

С другой стороны, представляется необоснованной и трактовка процессуального эффекта презумпций доведения до банкротства в качестве санкции за недобросовестность: «...По сути они [гипотезы презумпций, предусмотренных п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве] сводятся к двум базовым индикаторам недобросовестного поведения: введению в заблуждение и уклонению от обязательств, что

³³ Лотфуллин Р. К. Привлечение к субсидиарной ответственности скрытого бенефициара // Судья. 2018. № 4. С. 34.

³⁴ См.: Жаренцова Ю. С. Субсидиарная ответственность при банкротстве: отдельные аспекты нововведений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 26—32.

однозначно оправдывает перенос на ответчика бремени доказывания»³⁵. Полагаем, что факты, положенные в основание презумпций, сами по себе не свидетельствуют об отклонении от добросовестного поведения. Например, не может расцениваться как достаточный признак недобросовестности такое презумптивное основание, как наличие в ЕГРЮЛ недостоверных сведений о юридическом лице; Г. П. Чернышов справедливо замечает: «Ведь такие сведения могут быть незначительными либо быть внесены много лет назад. И вдруг — презумпция, что они являются причиной невозможности удовлетворения требований кредиторов в банкротстве»³⁶.

Следует отметить, что перераспределение бремени доказывания может осуществляться судом и помимо презумпций. Например, в случае непредставления привлекаемым лицом отзыва на заявление либо его неполноты бремя доказывания отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности может быть возложено арбитражным судом на лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности (п. 2 ст. 61.15 Закона о банкротстве). О. В. Гутников справедливо подвергает критике предусмотренную данной нормой возможность установления «...наличия (всех!!!) оснований ответственности по произвольному усмотрению суда лишь за то, что возражения в отзыве показали суду “неполными” и неубедительными»³⁷. По мнению Е. Д. Суворова, «...Использование приема “приведение *prima facie* доказательств — переход бремени” в конкретных делах является... заменителем (альтернативой) абстрактной презумпции»³⁸. При этом автор отдает пред-

почтение именно первому, ссылаясь на то, что презумпции «...могут быть чрезмерными, не учитывающими необходимость реализации конституционного права на судебную защиту лиц, попавших под ее действие»³⁹. Однако на наш взгляд, Е. Д. Суворовым не учтен фактор правовой определенности, связанный с закреплением презумпций в законе. Действительно, следует согласиться с тем, что «...функция института бремени доказывания — побудить участников материальных правоотношений заранее позаботиться о подготовке к вероятному процессу, наличию достоверных письменных и иных доказательств»⁴⁰. Потенциальные участники обособленного спора получают возможность планировать свои действия, ориентируясь на закрепленные в законе составы презумпций. Кроме того, презумптивные нормы выступают элементом системы воздействия на поведение участников гражданского оборота. Поэтому более обоснованной представляется позиция Б. А. Булаевского, согласно которой «...презумпция, выраженная в правовой норме и имеющая внятные пределы применения, <...> на контрасте с судебским усмотрением существенно выигрывает, привнося определенность в регулируемые Законом о несостоятельности отношения»⁴¹. В этой связи именно презумпции выгодно отличаются не только от судебного усмотрения *ad hoc*, но и от иных правовых средств, направленных на перераспределение бремени доказывания.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что широкое использование презумптивного инструментария носит в конечном счете вспомогательный характер и не снижает нети-

³⁵ Аракелов С. А., Чекмышев К. Н., Солдатенков В. Ю. Институт субсидиарной ответственности как новый фактор экономического развития // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 152.

³⁶ Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: новые возможности // Закон. 2017. № 8. С. 24.

³⁷ Гутников О. В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 54.

³⁸ Суворов Е. Д. Указ. соч. С. 64.

³⁹ Суворов Е. Д. Указ. соч. С. 64.

⁴⁰ Курс доказательственного права : Гражданский процесс. Арбитражный процесс. С. 177.

⁴¹ Булаевский Б. А. Определение контролирующего должника лица в законодательстве о банкротстве: оценка отдельных новелл // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3. С. 17.

пично высокую роль судейского усмотрения при рассмотрении споров о привлечении к имущественной ответственности при банкротстве. Это обусловлено и спецификой соответствующих материальных отношений, и предметом доказывания по данной категории дел, и формулировками самих презумпций, избилующих оценочными категориями; кроме того, применение презумпций предполагает необходимость определения точки бифуркации при переходе бремени доказывания между участниками спора. По справедливому замечанию И. С. Шиткиной, «...само по себе использование судами концепции фактического контроля свидетельствует о проявлении тенденции отхода от формализованных критериев в пользу судебного усмотрения»⁴². При этом готовность судов к широкой дискреции при наличии сложной, по сравнению с другими категориями дел, доказательственной системы может вызывать сомнения. Возможно, именно этим объясняется столь подробная регламентация, предоставленная судам в Постановлении Пленума ВС РФ № 53. Однако, так или иначе, усложнение экономических отношений неизбежно требует повышения

гибкости их регулирования, которая может быть обеспечена именно судами.

Вместе с тем востребованность презумпций как правового средства в рамках института имущественной ответственности при банкротстве не вызывает сомнений. Перераспределение бремени доказывания с их помощью позволяет преодолеть свойственный данной категории споров дефицит доказательств на стороне заявителя, тем самым создавая предпосылки для эффективного функционирования института субсидиарной ответственности при банкротстве в интересах участников гражданского оборота. Возможные альтернативы при этом сводятся к использованию специфических средств доказывания, которые, однако, доступны лишь государству в лице уполномоченного органа. Помимо возникающего в данном случае неравенства участников гражданских правоотношений, опасность представляет инфильтрация в эти отношения публично-правовых начал, а также появление у недобросовестных лиц возможности получать преимущества, лишь избегая наличия задолженности по обязательным платежам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. О составе гражданского правонарушения // Правоведение. — 1958. — № 1. — URL: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1128335> (дата обращения: 28.01.2019).
2. Аракелов С. А., Чекмышев К. Н., Солдатенков В. Ю. Институт субсидиарной ответственности как новый фактор экономического развития // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 4.
3. Булаевский Б. А. Определение контролирующего должника лица в законодательстве о банкротстве: оценка отдельных новелл // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2018. — № 3.
4. Булаевский Б. А. Понимание презумпций как основа их эффективного применения (в поиске гражданско-правовых особенностей) // Журнал российского права. — 2014. — № 5.
5. Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений : монография. — М. : ИЗиСП, 2013.
6. Веденеев Е. Ю. Роль презумпций в гражданском праве, арбитражном и гражданском судопроизводстве // Государство и право. — 1998. — № 2.
7. Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. — 2018. — № 4.

⁴² Шиткина И. С. Основные направления развития корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики. С. 14.

8. Гутников О. В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. — 2018. — № 1.
9. Егорова О. А. Презумпции и фикции в жилищном законодательстве РФ // Российская юстиция. — 2015. — № 10.
10. Жаренцова Ю. С. Субсидиарная ответственность при банкротстве: отдельные аспекты нововведений // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 7.
11. Заржицкая Л. С. Анализ понятия и содержания правовой презумпции // Мировой судья. — 2016. — № 11.
12. Иванова С. П., Земляков Д. Н., Баранников А. Л. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц : учебное пособие. — М. : Юстиция, 2018.
13. Каранина Н. С. Проблематика правовой презумпции // Право: теория и практика. — 2005. — № 14.
14. Карелина С. А., Фролов И. В. Банкротство страховых организаций : монография. — М. : Юстицинформ, 2018.
15. Краснов Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И. Юридическая техника : учебник. — М. : Юстицинформ, 2014.
16. Курс доказательственного права : Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. — М. : Статут, 2014.
17. Лотфуллин Р. К. Привлечение к субсидиарной ответственности скрытого бенефициара // Судья. — 2018. — № 4.
18. Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. — М., 2003.
19. Мифтахутдинов Р. Т. Контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности при банкротстве // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 7.
20. Мифтахутдинов Р. Т. Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях // Закон. — 2018. — № 7.
21. Повышается направленность банкротства на урегулирование отношений с кредиторами // Коммерсантъ. — 25.07.2017. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3366894> (дата обращения: 28.01.2019).
22. Покровский С. С. Эволюция и проблемы правового регулирования гражданской ответственности за банкротство // Закон. — 2018. — № 7.
23. Решетникова И. В. Преюдиция и бремя доказывания в современном арбитражном процессе // Закон. — 2018. — № 4.
24. Сергей Аракелов: Имущество банкротов продается на торгах за 19—21 % от рыночной стоимости // Коммерсантъ Деньги. — № 35. — 05.09.2016.
25. Сериков Ю. А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / науч. ред. В. В. Ярков. — М. : Волтерс Клувер, 2008.
26. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: новые возможности // Закон. — 2017. — № 8.
27. Суворов Е. Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов // Закон. — 2018. — № 7.
28. Федотов А. В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // Журнал российского права. — 2001. — № 4.
29. Шиткина И. С. Имущественная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве: очередные законодательные новеллы // Хозяйство и право. — 2017. — № 11.
30. Шиткина И. С. Основные направления развития корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». — 2018. — № 2.
31. Шиткина И. С. Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». — 2017. — № 4.
32. Шиткина И. С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. — 2018. — № 7.

Материал поступил в редакцию 26 марта 2019 г.

THE ROLE OF LEGAL PRESUMPTIONS IN THE CONTEXT OF REFORMING THE INSTITUTION OF PROPERTY LIABILITY IN BANKRUPTCY

Sergey I. Abramov, Postgraduate Student of the Department of Business Law of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Chief Legal Counsel of the Legal Department of the State Corporation "Agentstvo po strakhovaniyu vkladov" ("Deposits Insurance Agency")
Leninskie Gory, d. 1, Moscow, Russia, 119234
sergey1012abramov@gmail.com

Abstract. *An increasing role of legal presumptions in the context of reforming the institution of subsidiary liability of entities controlling the debtor in bankruptcy has been subjected to discussion in the professional community. The author has carried out a comprehensive analysis of a legal means in question taking into account its specificity as an element in the system of regulation of insolvency relations. The paper has revealed the peculiarities of elements of various presumptions, their disadvantages and advantages, procedural effects and the nature of their influence on the balance of interests of entities concerned. The conclusion has been made about the relevance of the presumptive tools as a prerequisite for increasing the efficiency of the institution of subsidiary liability as a whole.*

Keywords: *presumptions, burden of proof, bankruptcy, subsidiary liability, controlling persons, actual control.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. O sostave grazhdanskogo pravonarusheniya // Pravovedenie. — 1958. — № 1. — URL: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1128335> (data obrashcheniya: 28.01.2019).
2. Arakelov S. A., Chekmyshev K. N., Soldatenkov V. Yu. Institut subsidiarnoy otvetstvennosti kak novyj faktor ekonomicheskogo razvitiya // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. — 2018. — № 4.
3. Bulaevskij B. A. Opredelenie kontroliruyushchego dolzhnika lica v zakonodatel'stve o bankrotstve: ocenka otdel'nyh novell // Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava. — 2018. — № 3.
4. Bulaevskij B. A. Ponimanie prezumpcij kak osnova ih effektivnogo primeneniya (v poiske grazhdansko-pravovyh osobennostej) // Zhurnal rossijskogo prava. — 2014. — № 5.
5. Bulaevskij B. A. Prezumpcii kak sredstva pravovoj ohrany interesov uchastnikov grazhdanskih pravootnoshenij : monografiya. — M. : IZiSP, 2013.
6. Vedeneev E. Yu. Rol' prezumpcij v grazhdanskom prave, arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve // Gosudarstvo i pravo. — 1998. — № 2.
7. Gorbashov I. V. O nekotoryh material'no-pravovyh aspektah privlecheniya k subsidiarnoy otvetstvennosti v raz'yasneniyah VS RF // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2018. — № 4.
8. Gutnikov O. V. Otvetstvennost' rukovoditelya dolzhnika i inyh lic v dele o bankrotstve: obshchie novelly i nedostatki pravovogo regulirovaniya // Predprinimatel'skoe pravo. — 2018. — № 1.
9. Egorova O. A. Prezumpcii i fikcii v zhilishchnom zakonodatel'stve RF // Rossijskaya yusticiya. — 2015. — № 10.
10. Zharencova Yu. S. Subsidiarnaya otvetstvennost' pri bankrotstve: otdel'nye aspekty novovvedenij // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2018. — № 7.
11. Zarzhickaya L. S. Analiz ponyatiya i sodержaniya pravovoj prezumpcii // Mirovoj sud'ya. — 2016. — № 11.
12. Ivanova S. P., Zemlyakov D. N., Barannikov A. L. Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo) yuridicheskikh i fizicheskikh lic : uchebnoe posobie. — M. : Yusticinform, 2018.
13. Karanina N. S. Problematika pravovoj prezumpcii // Pravo: teoriya i praktika. — 2005. — № 14.
14. Karelina S. A., Frolov I. V. Bankrotstvo strahovyh organizacij : monografiya. — M. : Yusticinform, 2018.
15. Krasnov Yu. K., Nadvikova V. V., Shkatulla V. I. Yuridicheskaya tekhnika : uchebnik. — M. : Yusticinform, 2014.

16. Kurs dokazatel'stvennogo prava : Grazhdanskij process. Arbitrazhnyj process / pod red. M. A. Fokinoj. — M. : Statut, 2014.
17. Lotfullin R. K. Privlechenie k subsidiarnoj otvetstvennosti skrytogo beneficiara // Sud'ya. — 2018. — № 4.
18. Mejer D. I. Izbrannye proizvedeniya po grazhdanskomu pravu. — M., 2003.
19. Miftahutdinov R. T. Kontroliruyushchie dolzhnika lica kak sub"ekty subsidiarnoj otvetstvennosti pri bankrotstve // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2018. — № 7.
20. Miftahutdinov R. T. Plenum chetko skazal, chto subsidiarnaya otvetstvennost' primenyaetsya v iskluchitel'nyh sluchayah // Zakon. — 2018. — № 7.
21. Povyschaetsya napravlennost' bankrotstva na uregulirovanie otnoshenij s kreditorami // Kommersant". — 25.07.2017. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3366894> (data obrashcheniya: 28.01.2019).
22. Pokrovskij S. S. Evolyuciya i problemy pravovogo regulirovaniya grazhdanskoj otvetstvennosti za bankrotstvo // Zakon. — 2018. — № 7.
23. Reshetnikova I. V. Prejudiciya i bremya dokazyvaniya v sovremennom arbitrazhnom processe // Zakon. — 2018. — № 4.
24. Sergej Arakelov: Imushchestvo bankrotov prodajetsya na torgah za 19—21 % ot rynochnoj stoimosti // Kommersant" Den'gi. — № 35. — 05.09.2016.
25. Serikov Yu. A. Prezumpcii v grazhdanskom sudoproizvodstve / nauch. red. V. V. Yarkov. — M. : Volters Kluver, 2008.
26. Subsidiarnaya otvetstvennost' kontroliruyushchih lic: novye vozmozhnosti // Zakon. — 2017. — № 8.
27. Suvorov E. D. Vozrazheniya subsidiarnogo dolzhnika po obyazatel'stvam nesostoyatel'nogo lica kak sposob dostizheniya balansa konstitucionno znachimyh interesov // Zakon. — 2018. — № 7.
28. Fedotov A. V. Ponyatie i klassifikaciya dokazatel'stvennyh prezumpcij // Zhurnal rossijskogo prava. — 2001. — № 4.
29. Shitkina I. S. Imushchestvennaya otvetstvennost' kontroliruyushchih dolzhnika lic pri bankrotstve: ocherednye zakonodatel'nye novelly // Hozyajstvo i pravo. — 2017. — № 11.
30. Shitkina I. S. Osnovnye napravleniya razvitiya korporativnogo zakonodatel'stva i tendencii pravoprimenitel'noj praktiki // Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Pravo i biznes». — 2018. — № 2.
31. Shitkina I. S. Otvetstvennost' kontroliruyushchih dolzhnika lic pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve) // Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Pravo i biznes». — 2017. — № 4.
32. Shitkina I. S. Otvetstvennost' fakticheski kontroliruyushchih lic v korporativnom prave // Zakon. — 2018. — № 7.